

Научная статья
УДК 37.017

ОБРАЗЫ КОЛЛЕКТИВИЗМА В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОПЫТАХ ИГНАТИЯ ВЯЧЕСЛАВОВИЧА ИОНИНА И АНТОНА СЕМЕНОВИЧА МАКАРЕНКО

Виктор Викторович Лобанов¹

¹ Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия, danvelur@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1923-6342>

Аннотация. Игнатий Вячеславович Ионин и Антон Семенович Макаренко – известные деятели в области коллективного воспитания, которое в настоящее время вновь актуализируется в отечественной системе образования. В статье представлены результаты историко-педагогического анализа их идей и новаторских опытов первых послереволюционных лет. Исследование показало, что эти педагоги сталкивались с похожими и даже идентичными трудностями, но способы их преодоления не всегда оказывались одинаковыми. Различность подходов объяснялась несхожестью образов коллективизма, отражающих понимание коллектива как инструмента решения воспитательных задач школы-колонии с жестко ограниченной субъектностью (И. В. Ионин) или как высшего этапа развития группы в качестве субъекта воспитания (А. С. Макаренко). Это позволило предположить, что образ коллективизма И. В. Ионина перспективнее для организации воспитательной деятельности в общеобразовательных школах, поскольку в них рамки субъектности классных и общешкольного коллективов определяются внешними условиями.

Ключевые слова: теория коллектива, коллективизм, история коллективной педагогики, воспитательная деятельность, Игнатий Вячеславович Ионин, Антон Семенович Макаренко, школа-колония «Красные Зори», колония имени Горького, коммуна имени Дзержинского

Для цитирования

Лобанов В. В. Образы коллективизма в педагогических опытах Игнатия Вячеславовича Ионина и Антона Семеновича Макаренко // Векторы психолого-педагогических исследований. 2025. № 3(08). С. 131–147.

Original article

IMAGES OF COLLECTIVISM IN THE PEDAGOGICAL EXPERIMENTS OF IGNATY VYACHESLAVOVICH IONIN AND ANTON SEMENOVICH MAKARENKO

Viktor Viktorovich Lobanov¹

¹ Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, danvelur@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1923-6342>

Abstract. Ignaty Vyacheslavovich Ionin and Anton Semenovich Makarenko are known figures in the field of collective education, which is currently being updated in the national education system. The article presents the results of a historical and pedagogical analysis of their ideas and innovative experiences of the first post-revolutionary years. The study showed that these teachers faced similar and even identical difficulties, but the ways to overcome them were not always the same. The difference in approaches was explained by the dissimilarity of images of collectivism, reflecting the understanding of the collective as a tool for solving educational tasks of a colony school with a strictly limited subjectivity (I. V. Ionin) or as the highest stage of the group's development as a subject of education (A. S. Makarenko). This allowed us to assume that the image of collectivism by I. V. Ionin is more promising for organizing educational activities in general education schools, since in them the framework of subjectivity of classroom and school-wide collectives is determined by external conditions.

Keywords: collective theory, collectivism, history of collective pedagogy, educational activity, Ignaty Vyacheslavovich Ionin, Anton Semenovich Makarenko, "Red Dawns", Gorky colony, Dzerzhinsky commune

For citation

Lobanov, V. V. 2025, 'Images of collectivism in the pedagogical experiments of Ignaty Vyacheslavovich Ionin and Anton Semenovich Makarenko', *Vectors of psychological and pedagogical research*, iss. 3(08), pp. 131–147.

В современных социально-экономических и политических условиях для решения вневременной проблемы воспитания гражданина и формирования воспитательного идеала, ценностей и представлений о благом и должном, как подчеркнул профессор А. М. Аллагулов, востребована опора на историческое наследие отечественной теории педагогики и воспитательной практики [1, с. 231–232]. Несомненно, что российский воспитательный идеал предполагает приверженность коллективизму. При этом затруднительность использования традиционных авторитарных средств и методов для работы с подростками и молодежью информационной эпохи актуализирует историко-педагогическое переосмысление первоначал систематического коллективного воспитания. Это позволит понять, каким образом в наши дни репрезентируется «коллективизм» в качестве не только традиционной духовно-нравственной ценности, но и ориентира воспитательной деятельности.

Трудно не согласиться с профессором А. А. Романовым, что изучение наследия выдающихся специалистов прошлого актуализирует «диалог о созвучии их идей вызовам сегодняшнего дня» [2, с. 47]. В статье образы коллективизма анализируются в сравнительном плане на примере деятельности двух энтузиастов, внесших значительный вклад в развитие теории и практики востребованной в наши дни коллективной педагогики. Один из них – не нуждающийся в представлении Антон Семенович Макаренко. Другой, заведующий школой-колонией «Красные Зори» Игнатий Вячеславович Ионин (1893–1939), назван профессором М. В. Богуславским «блестящим педагогом, первым воплотившим те идеи и достижения, которые потом совершенно несправедливо будут связываться только с именем А. С. Макаренко» [3, с. 50]. Эти идеи и достижения лежали, безусловно, в области коллективизма. Однако в последние десятилетия И. В. Ионин уже вряд ли может претендовать на роль «незаслуженно забытого предшественника Антона Семеновича». Сегодня воспитательная ценность трудов Игнатия Вячеславовича высвечивается часто и даже несколько романтизировано. Как полагала кандидат педагогических наук О. А. Белянова, все, оказывающиеся рядом с бывшими выпускниками школы-колонии, вдохновляются и становятся «краснозорьцами по педагогическим убеждениям. <...> вливаются в эту сплоченную временем, полную энтузиазма семью ревностных хранителей блестящего опыта» [4, с. 57]. Исследователь Н. И. Симонова называла историю «Красных Зорь» и ее воспитанников великой книгой судеб людей труда [5, с. 179]. По оценке преподавателя Н. В. Скурской, заведующим И. В. Иониным была создана общность, «еще не превзойденная по своим достижениям» [6, с. 260].

Предпосылки к появлению школы-колонии «Красные Зори» начали складываться в 1919 г., когда инициативная группа учителей Петроградской школы имени Льва Толстого организовала летнюю колонию в уже бесхозном Михайловском дворце. В августе 1919 г. перед закрытием сезона на педагогическом совете этой колонии прозвучало предложение «взять на себя кому-нибудь из работающих обязанность быть организатором и заведующим зимней колонией» [7, с. 6]. Тем не менее энтузиастов не нашлось, что объясняется ожидаемым масштабом работы (в планировавшуюся к созданию зимнюю колонию предполагалось отправить не менее 500 детей) и условиями будущего педагогического труда: «Перспективы зимы в громадном дворце, где нет ни печей, ни электрического света, где не было никакого приспособления для организации детского дома и школьного оборудования, не привлекали никого» [8, с. 4]. В итоге колония закрылась. Отметим, что первое и даже не состоявшееся расширение все же предвосхитило хроническую «травму» учреждения. В частности, в «Повести о “Красных Зорях”», написанной выпускниками колонии на основе подлинных материалов, желание разместить в бывшем Михайловском дворце 300–500 человек [9, с. 6], предшествовавшее назначению И. В. Ионина, приписано руководству первого Центрального распределительного детского пункта. Этим же подчеркивается, что колония должна была выступать лишь в качестве средства преодоления беспризорности, субъектность ее будущего коллектива, по мнению авторов, не учитывалась при определении объемов и качества будущего «пополнения». Более того, складывается впечатление, что в дальнейшем краснозорьцев не раз фактически ставили перед выбором – или прием нескольких сотен ребят, или закрытие с передачей хозяйства более нуждающимся государственным структурам [9, с. 30, 44].

Итак, 21 ноября 1919 г. И. В. Ионин приступил к работе с первым контингентом будущих «Красных зорь». Эта дата и считается днем основания учреждения. Воспитанников при этом оказалось отнюдь не 500, а лишь 27, в возрасте от трех до 16–19 (данные

в источниках и литературе расходятся) лет. Таковым, по-видимому, было реальное количественное соотношение между прожеками и реальными возможностями формирующейся колонии. Уже тогда в ее ценностно-целевых установках были намечены два ключевых положения – о школьной коммуне как инструменте классовой борьбы и о соединении сельскохозяйственного труда с учебой. Педагогической базой реализации этих положений выступал формирующийся у И. В. Ионина образ коллективизма.

Так, руководитель колонии писал: «На первом же *общем собрании* перед ребятами [здесь и далее, если не указано иное, курсив наш. – В. Л.] <...> был выдвинут лозунг, что преодоление трудностей находится в наших коллективных руках» [7, с. 8]. Этот лозунг, как в аналогичной ситуации случилось и у А. С. Макаренко, энтузиазма не встретил. Удивительна при этом реакция И. В. Ионина. С одной стороны, он честно признал, что предложенная перспектива будущего вызвала у воспитанников насмешки, название коммуны – иронию, более того, настроение ребят в целом оказалось антисоветским. С другой стороны, уже первое собрание навело Игнатия Вячеславовича на мысль о происходящем сплочении ребят и педагогов в крепкий коллектив [7, с. 9]. Противоречие, вероятно, объяснимо только романтизацией представлений о школьной коммуне как о коллективе, в который она, по мысли И. В. Ионина, обязательно должна превратиться. Тезис интересен и тем, что И. В. Ионин, как и А. С. Макаренко, объединил воспитанников и педагогов в едином коллективе учреждения.

Коллективистические ценности – систематически подчеркиваемый идеал И. В. Ионина. Руководитель постоянно отмечал подчиненность уклада коммуны задачам развития коллективизма на основе самоуправления [7, с. 10]. При этом все самоуправление на первых порах ограничивалось хозяйственной комиссией (она распределяла продукты) и назначением дежурных, которые занимались обеспечением быта (приготовление пищи, заготовка дров, уборка). Кроме того, позже появилась линия самоуправления в области сельскохозяйственных работ. Для И. В. Ионина такая деятельность стала достаточным основанием говорить о моральном укреплении коллектива, несмотря на то что какой-либо социально значимой цели эта общность, в отличие от руководителя, еще не осознала и тем более не приняла. Самоуправление в этих условиях закономерно являлось лишь средством вовлечения детей в работу под управлением и полным контролем учителей, дававших оценки труду учащихся и главенствовавших на собраниях [7, с. 16, 23]. Очевидно, с учетом изложенного, что главной чертой коллектива Игнатий Вячеславович видел не субъектность, а сплоченность, причем даже ее сохранение было непростой задачей. Известно, что школе-колонии постоянно и вопреки желанию заведующего приходилось принимать большое количество новичков, само прибытие которых расшатывало режим трудовой коллективной деятельности. С целью включения их в коллективную общность руководителю учреждения немедленно приходилось начинать дела, которые сегодня назвали бы «мегапроектами» [9, с. 49]. В отношении дисциплинирования такой метод показывал хорошие результаты, хотя самостоятельность учащихся оставалась условной. Так, после очередного пополнения колония, по мысли И. В. Ионина, вновь стала единым коллективом уже к 1 мая 1920 г. [7, с. 11], спустя всего несколько месяцев.

Какова же аргументация Игнатия Вячеславовича? Он свидетельствует, что в обозначенный день состоялся первый совместный выход всех обитателей учреждения (48 колонистов, три учителя и один гость колонии [8, с. 7]) на субботник. Вероятно, *всех* – самое важное слово, хотя читателю, знакомому с историей педагогики, сразу вспомнятся слова, предварявшие первое совместное действие воспитанников А. С. Макаренко по

заготовке дров: «Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чертовой матери!» [10, с. 24]. Однако эти события не аналогичны. Дело в том, что в учреждении И. В. Ионина «дровяной бунт» состоялся намного раньше – на пятый день работы коммунары отказались пилить дрова, развели в лесу костер, стали митинговать и ругать заведующего. Но если Антон Семенович предпочел тактильный способ убеждения, то Игнатий Вячеславович поступил хитрее и позвал трудиться девочек [9, с. 13]. Мальчики не смогли равнодушно смотреть, как девушки пилили деревья, и неохотно, но все же взялись за дело. Видимый результат в обеих колониях при этом оказался одним и тем же: сплочение детей общей работой и позитивные эмоции [9, с. 13; 10, с. 25]. Для обоих педагогов именно «дровяные бунты» стали своего рода триггерами предъявления детям требований, краеугольных для первоначального сплочения [9, с. 13; 10, с. 25].

Готовность А. С. Макаренко стать диктатором, если он не освоит другой метод [10, с. 26], тем не менее, не находит прямой аналогии в текстах Игнатия Вячеславовича. При этом де-факто И. В. Ионин придерживался авторитарности. Так, бессубъектность вполне сплоченной детской общности заметна в описании истории преобразования коммуны в школу-колонию [курсив наш. – В. Л.]. В нем «руководство колонии предложило одной из школ города <...> организовать совместно летнюю колонию. <...> чтобы вместе с ребятами зимней колонии они составили школьные группы» [7, с. 11–12]. С уверенностью можно считать, что эта инициатива педагогов с колонистами подробно не обсуждалась. Цель была намечена начальством, а дети, соразмерно советской школьной практике, допускались только к планированию средств ее достижения и к практической работе. Это подтверждается тем, что на повестке тематического собрания 1 мая 1920 г. обсуждались именно организационные вопросы (встреча, постройка сцены, подготовка спектакля, режим жизни). Хотя И. В. Ионин отмечал, что на данном собрании сами коммунары «решили больше в Волхонскую школу не ходить, а организовать свою» [7, с. 12], к моменту его проведения колония уже имела соглашение с ленинградской школой № 14 о порядке формирования совместных школьных групп. В связи с этим высока вероятность, что общее собрание всего лишь приняло решение педагогического руководства.

Анализ воспоминаний И. В. Ионина выявил, что он действовал в пользу детей, но директивно: «Необходимо было организовать в колонии свою школу. <...> Для этой цели Ионин отобрал из старших ребят <...> ремонтную бригаду»; «Эта идея понравилась Ионину. <...> Игнат <...> дал согласие. <...> поручил ребятам...» [9, с. 25–26]. В целом позиционирование «Красных Зорь» как школы-общины, предложенной А. А. Барич [11, с. 130], вполне справедливо, причем общинность имела почти патриархальный характер [12, с. 209]. Таким образом, начало работы собственной школы в «Красных Зорях» не могло само по себе включить учащихся в процесс целеполагания, а возникшая комиссия школьной работы закономерно реализовывала лишь обеспечивающие функции.

Некоторые утверждения И. В. Ионина укрепляют впечатление о том, что демократическое единство детско-взрослого коллектива было весьма условным и существовало скорее как идеал. Например, И. В. Ионин, переосмысливая опыт 1920 г., без тени сомнения утверждал, что *колония почувствовала* ошибочность методики естествознания, вызванную отсутствием показа перестройки мира в социалистических интересах при помощи коллективного труда, колония же *ощутила* полноту воспитания строителя коммунизма за счет позиционирования отраслей сельского хозяйства как живых биологических лабораторий [7, с. 13–14]. В этом контексте вспомним о молодости первых воспитанников, пусть и «постаревших» на один год. Маловероятно, что у колонистов такого

возраста могли сформироваться такие чувства и ощущения. По-видимому, «колонией» как общностью И. В. Ионин все же считал педагогов и, в лучшем случае, ядро старших ребят. Тогда точка зрения Е. А. Князева, рассматривавшего «Красные Зори» как создаваемую И. В. Иониным «детскую самоуправляемую [курсив наш. – В. Л.] республику» [13, с. 80], отражает не наличное состояние, а возможную перспективу учреждения. На деле, полагаем, в колонии было со-управление. Зато в «Красных Зорях», как отмечал М. В. Богуславский, выработалось единство целей детского дома и школы, в котором «стирались грани между воспитанием и обучением» [14, с. 75].

Выстроенная педагогическая система не могла не встать под знамя коллективизма, но самостоятельность детей ограничивалась педагогическими установками. По-видимому, наиболее отчетливо инструментальность детского коллектива зафиксирована в тезисах о самоуправлении, оглашенных и принятых 31 декабря 1921 г. на общем собрании. И. В. Ионин, разработавший «Положение о детском самоуправлении», постулировал, что оно не заменяет органы управления и ставит целью лишь привлечение колонистов к отдельным участкам работы [7, с. 17; 9, с. 28]. Данная позиция прослеживается и в том, что И. В. Ионин относил расширение коллективной самоорганизации и развитие детского самоуправления, структурированного в коммуне по ячейкам, к виду педагогической деятельности, а не естественному следствию совместной жизни и труда учащихся и педагогов.

Субъектность детской общности по-прежнему оставалась небольшой. Именно учителя и другие взрослые работники руководили дежурствами и совещаниями, за счет которых реализовывалась обратная связь «управленцев» с воспитанниками, определяли составы бригад по направлениям хозяйства [7, с. 18, 20–22]. Задачи школы закономерно обрели для И. В. Ионина приоритет над углублением самоуправления, подобно тому как это случилось с пионерскими отрядами-классами в общеобразовательных заведениях после 1932 г. При этом интересно, что комсомольские ячейки появились в школе-колонии и в колонии имени М. Горького в одном и том же 1923 г., и в работе комсомольцев имелись общие черты. Например, активность ячейки «Красных Зорь» ориентировалась учителями не только на политическое просвещение, но и на вопросы качества учебы [7, с. 37], а Антон Семенович констатировал, что «жалкое существование» школы и отвлечение колонистов к ее посещению удалось преодолеть лишь регулярному комсомольскому «режиму» [10, с. 253].

Комсомольцы в колонии Горького, по-видимому, жили самостоятельнее, чем их коллеги в «Красных Зорях», например, они могли не пустить взрослых работников на свое заседание. Однако и в комсомольской ячейке учреждения И. В. Ионина динамика субъектности была неоднозначной. С одной стороны, Игнатий Вячеславович с гордостью подчеркивал, что комсомольские активисты закалялись через «проведение до конца намеченных партруководством мероприятий» [7, с. 33]. Комсомол, как известно, резерв партии, но фраза характеризует исполнительность, а не субъектность ячейки. С другой стороны, выполняя решения партийного руководства, в самой коммуне комсомольская ячейка пыталась своеволичить и даже инициировала согласование отдельных решений, например, о маршруте многодневной летней экскурсии [9, с. 41]. По ключевым вопросам при этом договариваться не получалось. Резкую критику от управленцев вызвала тенденция отмирания самоуправления, поскольку его функции ячейка взяла на себя. Возмущение вызвала и попытка заменить «продленку» в школе комсомольскими кружками. Учитывая доктринальность педагогического руководства в «Красных Зорях»,

подобные дела комсомольцев были закономерно восприняты И. В. Иониным как тяжелые и с трудом изжитые ошибки [7, с. 33]. В этом высвечиваются требования Игнатия Вячеславовича к ячейке – управляемость и контролируемость. Более того, для профилактики «своеволия» И. В. Ионин позднее вернул себе и право определять направление традиционной летней экскурсии и проводить отбор ее участников по критериям успеваемости и трудолюбия [9, с. 45].

Еще более управляемыми должны были оказаться пионеры. Но в довоенные годы подрастающее поколение, в отличие от многих современных детей, стремилось быстрее начать трудовую жизнь. В связи с этим отношение краснозорьцев и воспитанников Антона Семеновича к статусу «малолетних» пионеров вышло показательно одинаковым. В «Красных Зорях» после организации агропедтехникума «работать в пионерорганизации ребята-техникумцы считали ниже своего достоинства» [7, с. 42], а малыши-дзержинцы, начав трудиться на производстве, «возгордились и считают, что в пионерах им делать нечего» [15, с. 91].

Данные примеры не случайны. Судя по всему, значительный рост статуса в учреждениях И. В. Ионина и А. С. Макаренко вызывало попадание колониста в разные среды – среднего профессионального образования и производства, хотя образованность ценили и воспитанники Антона Семеновича. Однако лишь для Игнатия Вячеславовича мерилom качества деятельности учреждения оставалась преимущественно успешность развития собственной образовательной системы. Важной вехой такого успеха, например, стало открытие в 1925 г. зимней школы с учетом результатов аналогичной деятельности в летний период. Нетрудно провести параллели с событиями августа 1919 г., когда пробная летняя колония впервые создала перспективу перехода к круглогодичному режиму.

Многосторонняя эффективность «Красных Зорь» не могла, разумеется, остаться незамеченной и безнаказанной. Напомним, в прошлый раз, как считал И. В. Ионин, именно не согласованная с педагогами масштабность планируемой деятельности привела к тому, что возглавить колонию желающих не нашлось. Однако в 1925 г. учреждение уже работало, вследствие чего не смогло избежать чрезвычайно масштабного пополнения ленинградскими детдомовцами. Реакция И. В. Ионина была крайне негативной: «укомплектовывается школа в этот год крайне нерационально... <...> 300 новых ребят пытаются разрушить крепкий коллектив из 200»; «комплектование должно бы быть иным» [7, с. 14, 111]; «Каждый может себе представить, во что должна была превратиться колония, когда к 200 ребятам <...> было влито <...> 300 новых ребят» [8, с. 17]. Вновь сплотить коллектив удалось традиционным масштабным делом. В ракурсе этой ситуации А. С. Макаренко, принявший 40 новичков в 1923 г. в обмен на шесть тысяч рублей, необходимых для ремонта нового здания [10, с. 244–245], мог бы мыслить себя счастливым человеком.

Систематические попытки решения острейших проблем социального воспитания посредством расширения эффективных учреждений обуславливали схожие «ответы» их руководителей. Так, И. В. Ионин, как и А. С. Макаренко в Куряже, не принял на работу ни одного из сотрудников детских домов, откуда прибыло «пополнение». Нетрудно обнаружить параллели и в ретроспективной характеристике педагогических ситуаций, в которых оказались И. В. Ионин и А. С. Макаренко. Авторы описали их почти одинаково. И. В. Ионин: «21 ноября 1919 года нам, приступившим к работе, неоткуда было получить указаний, как надо организовывать детскую среду. Мы знали только одно: что, если мы не разрешим этой огромной задачи, нам надеяться на какой бы то ни было успех в выполне-

нии плана не приходится» [7, с. 15]. А. С. Макаренко: «Теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах. <...> нужны не книжные формулы, <...> а немедленный анализ и немедленное действие» [10, с. 23]. Несформированность теории и методики новой педагогики и необходимость жизнеобеспечения учреждений силами самих колонистов создали предпосылки для эмпиризма педагогической деятельности их руководителей и появления коллективизма в качестве целевого ориентира воспитания. Однако допускаемые А. С. Макаренко и И. В. Иониным границы коллективизма различались. В колонии имени М. Горького коллектив отнюдь не всегда действовал по указке Антона Семеновича, но руководитель выполнял решения общего собрания как высшей воли коллектива. Напротив, И. В. Ионин акцентировал внимание на «борьбе учителя с преодолением нездоровых инстинктов у ребят, в разъяснении им правильности и нужности пути, по которому их ведет школа» [7, с. 23]. Соответственно инвариантная роль детей ясна, они – ведомые. При этом очередная схожесть заметна в том, что педагог И. В. Ионин, бывший военный летчик [16, с. 6], организовавший «почти армейскую дисциплину», как и А. С. Макаренко, негативно воспринимался педологами [9, с. 33].

Вместе с тем нельзя не указать и на различность реакций И. В. Ионина и А. С. Макаренко в почти идентичных конфликтных ситуациях. Рассмотрим разницу на примере стенгазет, поскольку проблематика детских печатных изданий в учреждениях этих великих педагогов заслуживает особой характеристики. Прежде всего, складывается впечатление, что в школе-колонии «Красные Зори» отношение к детским «журналистским» инициативам было в целом последовательным. Так, воспитанники, которые самостоятельно пришли к идее выпуска тематических журналов, успешно реализовали ее уже 1 мая 1920 г. Авторами и редакторами журналов, согласно И. В. Ионину, стала не составленная, а составившаяся группа ребят, то есть речь пока не шла об особой ячейке под управлением учителя. Востребованность журналов среди детей побудила руководство школы-колонии обратиться к их составителям с настоятельной рекомендацией начать выпуск стенгазеты, в лексике тех лет – «стенновки». Однако никакого энтузиазма, судя по всему, идея не встретила. Анализируя причины «саботажа», И. В. Ионин сделал вывод о том, что первой среди них является сам выход журналов. Внутреннее сопротивление детей указаниям администрации и их «стеснение» писать в стенгазету, вероятно, были достаточно большими. Вопрос о *необходимости* (слово выбрано И. В. Иониным) стенновки пришлось выносить на общее собрание по итогам 1921 г., но даже в этом случае первый номер стенгазеты «Правда» вышел только 1 мая 1922 г. Название, выбранное из воспитательных соображений, резко контрастирует с наименованием прежнего ребячьего журнала – «Летняя школа». Подчеркнем, что за «Правду» отвечала уже не самоорганизовавшаяся группа воспитанников, а литературно-издательская ячейка (ЛИЯ) во главе с учителем. Выпуск журнала, разумеется, прекратился. При этом в работе ЛИЯ заметен и реальный коллективизм – ячейка многократно помогала организации стенгазет в других колониях, для местного сельсовета и колхоза.

Отметим, И. В. Ионин не скрывал, что журналистская активность ребят направлялась им исключительно на включение воспитанников в строительство новой советской школы в составе единого рабочего коллектива учителей и учащихся [7, с. 25]. Эта задача позднее продолжала решаться в самых разных стенгазетах, выпускавшихся редколлегией «Правды». Интересно, что во всех «официальных» школьных изданиях не допускалось выражение недовольства, что закономерно вызвало к жизни иные стенгазеты. Например, в противовес «Правде» самоорганизовавшаяся группа учащихся шко-

лы-колонии стала выпускать газету «Истинно так». В дополнение к «Правде» появилась и весьма успешная газета «Буза», ориентированная не на воспитательные задачи, а на непосредственные детские интересы и протест против неугодных новшеств. Эти газеты просуществовали недолго. Но если в отношении «Истинно так» И. В. Ионин с гордостью писал об эффективности косвенного педагогического влияния, в результате которого газета изжила себя, а дети осознали «ошибку», то касательно «Бузы» он даже с некоторым огорчением указал на излишнюю ретивость «раздувания» на комсомольском собрании «дела о подпольщине» [7, с. 26, 28]. Есть интересные свидетельства, что заведующий, опознавая авторов «Бузы» по стилю, приглашал их для бесед, после которых «прилететь» могло и классным руководителям [9, с. 69]. Повод, правда, требовался серьезный – так, в одном из номеров были непристойности в адрес Игнатия Вячеславовича [9, с. 69, 92].

Для характеристики идеологической цельности и последовательности работы изданий «Красных Зорь» упомянем про ежедневник, возникший после постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 28 августа 1931 г. В этом постановлении был обозначен «коренной недостаток школы», состоявший в недостаточности снабжения учеников общеобразовательными знаниями и неудовлетворительности освоения ими основ наук в объеме, достаточном для поступления в техникумы и вузы¹. Выпускники многих школ рубежа 1920–1930-х годов, по выражению профессора В. И. Ревякиной, на вступительных испытаниях «обнаруживали свою фактическую полуграмотность» [17, с. 88]. Пытаясь соответствовать актуальной для советского образования «повестке», очередное общее собрание «Красных Зорь» постановило, что «выход газеты 2 раза в месяц не обеспечивает борьбы за темпы ликвидации коренного недостатка школы» [7, с. 28], в результате чего и возник названный ранее ежедневник. Тем не менее о том, насколько постановка задачи соответствовала реальным запросам даже идеологизированных детей, остается догадываться.

Сравним издательскую практику «Красных Зорь» с событиями из жизни коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. В коммуне была стенгазета «Дзержинец», названная, в отличие от краснозорьской «Правды», в честь учреждения. Она, по словам Антона Семеновича, еле-еле выходила дважды в месяц, что определило успех конкурента – ежедневной газеты «Шарошка», созданной инициативной группой. Ехидная и смешная «Шарошка» неуклонно разрасталась [15, с. 49]. В итоге она стала занимать всю стену коридора, несмотря на протесты отдельных «продернутых» в ней коммунаров и редколлегии «Дзержинца». Однако если в «Красных Зорях» выпуск аналогичной по содержанию «Бузы» был запрещен комсомольским собранием, то в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского обе редколлегии на бюро комсомола удалось помирить, а полномочия коммунара Сопина как востребованного редактора новой стенгазеты подтвердились общим собранием. С этого момента «Дзержинец» каждую пятидневку выходил в хорошо зарекомендовавшем себя формате «Шарошки» [15, с. 49–50]. Такой подход, полагаем, продуктивнее для складывания подлинного коллектива, чем закрытие неугодных изданий.

Вполне понятная в историческом плане идеологизированность «Красных Зорь» сохранялась во всех аспектах жизни учреждения, которое включилось в «борьбу» отчетливее, чем учреждения А. С. Макаренко. Безусловно, структуры, созданные этими

¹ См.: Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. Приложение № 5 к п. 31 пр. ПБ № 58 от 25.VIII.1931 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 844. Л. 22–29.

педагогами, находились в схожей среде политики и идеологии тех лет, подобно, как отмечал профессор А. А. Романов, школе и образованию в целом [18, с. 303]. Однако в текстах данные влияния раскрылись по-разному. Так, произведения А. С. Макаренко, в особенности «Педагогическая поэма», стилистически напоминают «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Хороший педагог представлен в них как носитель не столько абстрактных «идеалов», сколько здравого смысла, понимающий в хозяйственных делах не в меньшей степени, чем в вопросах воспитания. Это не означает, что Антон Семенович был вне идеологии, но формирование «борца-коллективиста» воспринималось им как сквозное действие и закономерный результат нормальной совместной жизнедеятельности воспитанников. В свою очередь, текст книги И. В. Ионина не прикрыто политизирован. Например, реализация идей коллективизма в школе-колонии систематически рассматривалась Игнатием Вячеславовичем как форма участия учреждения в классовой борьбе: «мы должны будем включиться во фронт этой борьбы и вне школы» [7, с. 30].

Сопоставим подходы двух педагогов к организации взаимодействия с селянами. Мотивация И. В. Ионина, неоднократно им обозначенная, есть поиск связей для разговора с деревней в интересах классовой борьбы. Одним путем для поиска связей стала бесплатная раздача капустной и брюквенной рассады крестьянам района, другим – организация в деревне бычьего союза, шефом которого выступил школьный комсомол [7, с. 30, 32]. Желая показать ценность колонии как флага новой жизни, «Красные Зори» сотрудничали с одной из местных партийных ячеек, вместе с ее членами агитировали крестьян и даже добились создания колхоза в деревне Викколово [7, с. 30, 32–33].

Подход А. С. Макаренко на первый взгляд не слишком отличается от вышеизложенного. Так, в колонии имени М. Горького «молочные поросята раздавались только по удостоверениям комнезама... <...> Эта раздача поросят прославил нас по всей округе, и у нас завелось много друзей среди селянства» [10, с. 314]. Комнезамами сокращенно назывались комитеты незаможных селян, которые на момент «раздачи поросят» играли роль политической организации сельской бедноты. Тем самым данная акция вполне может быть приравнена к поддержке курса партии; эту задачу Антон Семенович наверняка осознает, но – и это отличает его от И. В. Ионина – совершенно не акцентирует.

В «Красных Зорях» оказался чрезвычайно удачным опыт «увязывания» преподавания естественнонаучных предметов с практикой сельскохозяйственного труда [7, с. 44], имевшего признаки образовательного труда по С. Т. Шацкому. Постепенно в школе-колонии оформилась особая идея сельскохозяйственного уклона в естествознании для загородных школ [7, с. 46, 52–53]. Эта мысль И. В. Ионина, очевидно, в меньшей степени претендовала на концептуальность в структуре новой советской педагогики, чем теория воспитательного коллектива А. С. Макаренко. Но совершенно поразительна схожесть остроты реакций на них некоторых представителей академической общественности того времени. И если противостояние А. С. Макаренко и профессора А. С. Залужного достаточно известно, а знаменитый приговор «Предложенная система воспитательного процесса есть система не советская» [10, с. 632], как правило, опознается даже нерадивыми студентами педвузов, то на аналогичном конфликте И. В. Ионина и профессора Б. Е. Райкова стоит остановиться подробнее.

Итак, как вспоминал И. В. Ионин, демонстрация опыта «Красных Зорь» в рамках Петроградской сельскохозяйственной выставки привела к тому, что группа методистов во главе с профессором Б. Е. Райковым в последующем обсуждении обозначила сотрудников школы-колонии как «огородников, ничего общего с педагогикой не имею-

щих» [Цит. по: 7, с. 46]. По оценке Игнатия Вячеславовича, «колония тогда не ожидала, что этим своим тезисом [об изучении естествознания, ботаники и зоологии в сельской местности на сельскохозяйственном материале. – В. Л.] она открывает борьбу с целой школой методистов...» [7, с. 46]. Однако «тезис» не открывал борьбу, а усиливал одну из давно ведущих ее сторон. Достижения «Красных Зорь» по агрономизации учебного материала давали аргументы Борису Васильевичу Всесвятскому и его коллегам, выступавшим за «комплексный метод» и практические проекты в обучении. Полемизировавший с ними профессор Борис Евгеньевич Райков, напротив, требовал сохранить традиционную академичность естественнонаучных предметов. Ясно, что школа-колония подверглась критике не как самостоятельный субъект, выстраивавший «связь школы с жизнью», а как вольный или невольный соратник конкурирующей с «предметниками» научно-методической группы. Как верно отмечал Е. А. Князев, уникальный опыт «Красных Зорь» методисты отвергли несправедливо и поспешно [13, с. 80], тем более что первоначальное вовлечение «Красных Зорь» в дискуссию с методической школой Б. Е. Райкова произошло, возможно, непреднамеренно. Однако продолжил борьбу Игнатий Вячеславович вполне осознанно.

Противостояние, к сожалению, велось не только научными аргументами, но и обоюдными личностными нападками. Например, Б. Е. Райков, вместе с И. В. Иониным участвовавший во Всероссийской конференции преподавателей естествознания (23–27 января 1929 г.), воспринимал его как «малокультурного и пронирыливого субъекта со всеми задатками проходимца» [19, с. 759]. Со своей стороны, Игнатий Вячеславович назвал «ленинградское течение «болезнью», против которой надо произвести «дезинфекцию» <...> Это было вполне в духе Всесвятского, но еще более откровенно» [19, с. 761].

Накаленность взаимоотношений Б. Е. Райкова и И. В. Ионина в контексте научно-политического столкновения Б. Е. Райкова и Б. В. Всесвятского вполне объяснима. При этом последнего на названной конференции поддержал нарком просвещения А. В. Луначарский, в результате чего Борису Евгеньевичу и его группе пришлось присоединиться к предлагаемым их оппонентами решениям. Однако сдача позиций не уберегла профессора. Через год и несколько месяцев после конференции, в ночь с 30 на 31 мая 1930 г. Борис Евгеньевич был арестован и вскоре осужден на 10 лет [20, с. 777–778]. Но даже спустя два и три года после ареста И. В. Ионин продолжал помнить и писать о вредительской сущности и контрреволюционности «райковщины» [7, с. 46; 21, с. 4].

Самое интересное, что позиция «Красных Зорь», по-видимому, не была изначально столь категоричной, как может показаться с учетом обрушившейся на нее критики. Приверженность «уклону» не означала равной приверженности комплексному методу и проектированию, причем школа-колония четко и многократно позиционировала, что выращенные «овощи не цель в воспитании, а средство» [7, с. 101]. По воспоминаниям Игнатия Вячеславовича, педагоги «Красных Зорь», вначале с гордостью представившие общественности удачный, как им показалось, опыт изучения всех предметов на материале собственного рыбоводного пруда, скоро сами осознали свою ошибку [7, с. 54]. Ошибка состояла в том, что комплексный метод (он знаком современным студентам по знаменитой *утке* в произведении В. А. Каверина «Два капитана» и не менее знаменитой *корове* в экранизации 1955 г.) порождал и породил упоминавшийся выше «коренной недостаток», в посильную борьбу с которым вступило учреждение. Кроме того, школе-колонии «все-таки удалось сохранить до выхода новых программ 1932 года расположение материала по годам обучения и логическую систему расположения

ботанического материала внутри темы» [7, с. 56], собственное именно *учебное* хозяйство. Подчеркнем и ориентированность учащихся «Красных Зорь» на поступление в вузы и техникумы, которая, впрочем, впоследствии стала характерной и для воспитанников А. С. Макаренко.

Продолжая сравнивать опыты И. В. Ионина и А. С. Макаренко, можно обнаружить, что общим для обоих руководителей стал постепенный отход от должностей воспитателей из-за сложностей распределения функциональных обязанностей между ними и другими сотрудниками (учителями, мастерами и т. д.). Так, в коммуне И. В. Ионина «уже к лету 1920 года <...> решили иметь только одни кадры – работника школы-колонии» [7, с. 103], несмотря на то, что ликвидация воспитателей детдома встречала «особенно резкие возражения» [7, с. 104]. Заведующий школой-колонией отмечал, что «лишний штат только мешает работе, если он не соответствует задачам» [7, с. 113].

Совершенно одинаковым было и отношение педагогов к прошлому воспитанников. «Когда в «Красные Зори» привозили ребят, он [Игнатий Вячеславович] брал от сопровождающего папки с личными делами, клал их в шкаф и, обращаясь к детям, говорил: – Пусть лежат там. Это все в прошлом, а для вас, ребята, начинается новая жизнь» [9, с. 120]. Так же действовал Антон Семенович, который уже при первой встрече с воспитанниками предложил им позабыть свое прошлое [10, с. 20], а позднее «категорически требовал, чтобы никаких вопросов о прошлом ребят не было» [10, с. 601]. Еще одним сходством является то, что достижения заведующих сделали их учреждения излюбленным местом экскурсий, в том числе для иностранных граждан. В частности, в 1928 г. в «Красных Зорях» побывал Джон Дьюи [7, с. 98; 9, с. 26], который высказался о школе-колонии не менее комплиментарно, чем о Первой опытной станции Наркомпроса, посещенной им летом того же года.

Анализ предпосылок бесспорных педагогических успехов требует указать на близость применяемых руководителями форм и методов коллективного воспитания. На начальном этапе И. В. Ионин и А. С. Макаренко выращивали коллективы в общих (крайне убогих) условиях жизни средствами масштабного совместного труда детей и педагогов. У Игнатия Вячеславовича «все это быстро склотило весь коллектив <...> в крепкое целое» [7, с. 103], а для Антона Семеновича «в нашей умопомрачительной бедности была и одна хорошая сторона <...>. Одинаково были голодны и бедны и мы, воспитатели» [10, с. 34]. Постепенно в учреждениях появились стенгазеты, библиотеки, комсомольские ячейки, учебные заведения (рабфак или агропедтехникум), клубная и кружковая работа, театры, оркестры. Сельскохозяйственный труд со временем дополнился животноводством и организацией мастерских. Для воспитанников проводились дальние экскурсии, регулярные спортивные игры, включая военизированные. Возникали и множились традиционные лозунги-принципы, скажем, «Мы сами» в «Красных Зорях» и «Не пицать!» в колонии имени М. Горького. Наконец, исследователи выяснили – знаменитые сводные отряды существовали не только в колонии и коммуне А. С. Макаренко, но и в «Красных Зорях» [21, с. 10].

Следование воспитательным идеалам и принятым образцам поведения поощрялось материально. И если И. В. Ионин премировал ударников учебы и труда билетами в театры, предметами одежды и т. д., то А. С. Макаренко, вызывая негодование идеалистов, устанавливал для детей зарплату. Появление неодобряемых вариантов стимулирования было вызвано тем, что руководители искали способы вывести свои учреждения на самоокупаемость. Однако если коллективы колонии и коммуны Антона Семеновича выстраивались через производство, то Игнатий Вячеславович рассматривал коллективную трудовую деятельность в контексте обеспечения развития «Красных Зорь»

именно как школы. Это объясняет их разное отношение к труду, к обучающей функции которого А. С. Макаренко относился скептичнее, чем И. В. Ионин. По мысли же Игнатия Вячеславовича «школа, строя свое многообразное хозяйство, решала задачу сделать его школьным, то есть подчинить учебным и воспитательным целям» [7, с. 62], хотя И. В. Ионин признавал, что не весь труд был образовательным. Противоречие сглаживалось априорностью идеологической позиции тех лет о почетности труда как такового, но складывается впечатление, что образ коллективизма И. В. Ионина очерчивался задачами, поставленными перед школой. При этом незадолго до смерти Игнатий Вячеславович, судя по всему, все же думал о необходимости развития коллектива как субъекта и сожалел, что не организовал предварительного обсуждения с коммунарами тех книг о колонии, которые были изданы им в 1932–1933 гг. [9, с. 124].

Извлекая из опытов И. В. Ионина и А. С. Макаренко представления о коллективизме, завершим анализ подчеркиванием параллелей финального этапа их жизни. Известно, что в 1937 г. И. В. Ионин и несколько других работников «Красных Зорь» были осуждены как «враги народа» по статье 58 УК РСФСР. Его приговорили к расстрелу, и только благодаря многочисленным ходатайствам воспитанников приговор смягчили. Игнатий Вячеславович получил десятилетний срок, но 19 февраля 1939 г. скончался в лагерной больнице. Педагога реабилитировали за отсутствием состава преступления только в 1990 г. [21, с. 16]. Что касается А. С. Макаренко, то с опорой на исследования Г. Хиллига можно утверждать – автор теории воспитательного коллектива не вошел в число репрессированных скорее вопреки логике истории [22, с. 60–70]. Маловероятно, что кому бы то ни было из ярких советских педагогов в 1920–1930-х годах удалось бы остаться вне политики. Возглавляемые ими учреждения, развиваясь как педагогические субъекты, становились и субъектами политического противостояния различных групп, продвигавших те или иные течения и уклоны в народном образовании. Убежденность в скором наступлении светлого коммунистического будущего приводила к тому, что экспериментальное движение к коллективизму виделось заведующими как успех в борьбе за дело социализма, предпосылка вовлечения воспитанников в общественную активность. Это чувствуется в текстах педагогов-руководителей, причем у И. В. Ионина – значительно явственнее.

Последние периоды жизни Игнатия Вячеславовича и Антона Семеновича совпали с кардинальными изменениями отношения власти к педагогическому экспериментированию, связанными с ориентиром на унификацию образования и воспитания. Возможно, что авторским структурам в период «закручивания гаек» не оставалось места в советском образовательном пространстве. Согласно Л. Д. Бугаевой, в 1930-е годы закрытие или реорганизация коммун, обладавших значительной, по сравнению с типичными исправительными учреждениями, самостоятельностью, были неизбежными из-за невозможности вписать их в административно-командную систему [23, с. 96]. Отмеченная невозможность явилась, по-видимому, следствием того, что коммуны были именно выращены, а не сформированы «по образцу», и глубинные основания их деятельности в результате оказались чрезвычайно прочными. Как подчеркивала О. А. Оличева, у педагогов 1920-х годов «готовых путей и решений проблемы [перевоспитания подростков. – В. Л.] не было, каждый из них предлагал свои методы» [24, с. 5].

Изложенное иллюстрирует, что объективно замечательные коллективные практики, развившиеся в средах учреждений, крайне зависимы от политических установок, как и возможности их основателей. После ухода из колонии Антон Семенович сохранил свободу творчества лишь благодаря поддержке чекистов. В отношении «Красных Зорь»

1920-х годов опытно-поисковой работе Игнатия Вячеславовича помогла, вероятно, позиция профильного местного руководства, в частности З. И. Лилиной. Выдающийся педагог В. Н. Сорока-Росинский писал о ней: «[Злата Ионовна] не навязывала заведующим никаких педагогических теорий, предоставляла им самим находить надлежащие пути и требовала лишь, чтобы ребят воспитывали в советском духе» [25, с. 166–167]. Это можно сопоставить с особенностями развития современной отечественной школы, где цели и содержание воспитания инвариантны, но методы пока еще вариативны.

Таким образом, для массовых общеобразовательных учреждений образ почти авторитарного и достаточно ограниченного коллективизма И. В. Ионина будет привычнее, чем методические идеи А. С. Макаренко, попытки внедрения которых в общеобразовательных учреждениях потерпели неудачу. Однако для этого педагогический опыт Игнатия Вячеславовича должен быть исследован на глубоком концептуальном уровне, позволяющем адаптировать его для развития классных коллективов, чьи пределы самоуправления задаются педагогически значимыми задачами. Следует помнить и то, что школа 1920-х годов воспитывала коллективиста, как справедливо указала В. И. Ревякина, «на идеологических установках социализма с опорой на классовый подход» [18, с. 88], актуальность которого значительно снизилась. В этом ракурсе сегодня важно переосмыслить возможности и рамки применимости известных коллективных форм и методов в новых условиях реализации воспитательной деятельности, учитывающих не только позиционирование коллективизма как духовно-нравственной ценности, но и закрепленный в Конституции РФ запрет государственной идеологии.

Список источников

1. Алпагулов А. М. Развитие воспитательного идеала в отечественной педагогике в контексте современных проблем воспитания детей и молодежи // Пространство и время в диалоге педагогических культур: интересубъективность историко-педагогического понимания : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 7–9 окт. 2021 г.). Волгоград : Волгоградская государственная академия последипломного образования, 2021. С. 231–235.
2. Романов А. А. Время диалога с предшественниками // Стратегия и тактика подготовки современного педагога в условиях диалогового пространства образования : сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 23–24 апр. 2020 г.) / науч. ред. и сост. Н. А. Астахова. Брянск : РИО БГУ; Полиграмм-Плюс, 2020. С. 46–52.
3. Богуславский М. В., Куликова С. В. Социально-личностная педагогика А. С. Макаренко в контексте российского образования : монография. Волгоград : Волгоградская государственная академия последипломного образования, 2025. 152 с.
4. Белянова О. А. Школа, побеждающая время // Избранные лекции в магистратуре по проблемам духовно-нравственного воспитания / под ред. А. Г. Козловой, В. О. Гусковой. СПб. : Академия востоковедения, 2020. Т. 2. С. 56–64.
5. Симонова Н. И. Труд на земле как основа духовно-нравственного воспитания в школе «Красные Зори» // Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи: опыт, инновации, достижения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 25 сент. 2015 г.) / М. В. Груздева (отв. ред.). СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 179–183.
6. Скурская Н. В. Событийная общность школы-колонии «Красные Зори» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 74-2. С. 253–260.

7. Ионин И. В. Школа-колония «Красные зори». Из опыта детской трудовой школы-колонии. Л. : 2-я тип. ОНТИ им. Евг. Соколовой, 1933. 118 с.
8. Используем опыт школы колонии Красные зори. Л. : Облоно, 1932 (тип. им. Евг. Соколовой). 44 с.
9. Бубликова Г. Г., Голышев П. В. Повесть о «Красных Зорях». Документальный рассказ об уникальном детском учреждении, существовавшем в Стрельне Ленинградской области в 1919–1941 годах. СПб., 1996. 140 с.
10. Макаренко А. С. Педагогическая поэма // Сочинения : в 7 т. М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1957. Т. 1. 784 с.
11. Барич А. А. Школа-община конца XIX – первой трети XX в.: ретроспективный взгляд // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 1(65). С. 129–132.
12. Скурская Н. В. Организация сообщества детей и взрослых в школе-колонии «Красные Зори» на основе отношений заботы // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5(78). С. 207–209.
13. Князев Е. А. Игнатий Ионин и детская коммуна «Красные зори» // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2019. Т. 18, № 2(40). С. 79–83.
14. Богуславский М. В. «Красные Зори» Игнатия Ионина // Вестник образования России. 2023. № 24. С. 71–80.
15. Макаренко А. С. Марш 30 года // Сочинения : в 7 т. М. : Академия педагогических наук РСФСР, 1957. Т. 2. 526 с.
16. Симонова Н. И. Игнатий Вячеславович Ионин – педагог-новатор школы «Красные Зори» / гл. ред. В. А. Рыбакова, ред. М. С. Инге-Вечтомова. СПб. : Издат. программа «АПИ», 2023.
17. Ревякина В. И. Аксиологические и прогностические идеи первых государственных документов по образованию в экспериментальной практике советской школы 1920-х гг. // Ценности современного образования: новые исследования : коллективная монография / под ред. Н. А. Асташовой. Брянск : РИО БГУ, 2023. 292 с.
18. Романов А. А. Генезис гуманистической традиции воспитания в педагогике // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер пробации, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России (Рязань, 31 окт. – 1 нояб. 2024 г.). Рязань : Академия ФСИН России, 2024. С. 301–304.
19. Райков Б. Е. На жизненном пути : автобиографические очерки : в 2 кн. СПб. : Коло, 2011. Кн. 1. 848 с.
20. Ионин И. В. К организации опытно-агрономической работы в ШКМ (Из опыта работы ШКМ «Красные Зори»). Л. : Ленинский Облсполком, 1932. 20 с.
21. Симонова Н. И. «Красные Зори» – школа труда, жизни и радости / гл. ред. В. А. Рыбакова, ред. М. С. Инге-Вечтомова. 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Издат. программа «АПИ», 2022. 72 с.
22. Хиллиг Г. Макаренко в год «Большого террора» : расширенный вариант выступления на 7-м Международном макаренковедческом симпозиуме «А. С. Макаренко в постсоветское время» в Оберрайфенберге/Таунус (ФРГ), (Марбург, 30 апр. – 3 мая 1998 г.). Марбург, 1998. 100 с.
23. Бугаева Л. Д. Наука воспитания «нового советского человека»: коммуна в жизни и на экране // Новое литературное обозрение. 2022. № 4(176). С. 80–98.

24. Оличева О. А. Государственная политика в отношении беспризорности и преступности несовершеннолетних в 1917–1941 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.

25. Сорока-Росинский В. Н. Школа имени Достоевского // Педагогические сочинения / сост. А. Т. Губко. М. : Педагогика, 1991. 240 с.

References

1. Allagulov, A. M. 2021, 'The development of the educational ideal in Russian pedagogy in the context of modern problems of education of children and youth', in *Space and time in the dialogue of pedagogical cultures: intersubjectivity of historical and pedagogical understanding: collection of scientific works of the International scientific and practical conference, Saransk, October 7–9, 2021*, Volgograd State Academy of Postgraduate Education, pp. 231–235, Volgograd.

2. Romanov, A. A. 2020, 'The time of dialogue with predecessors', in N. A. Astashov (ed. and comp.) *Strategy and tactics of training a modern teacher in the context of the dialogic space of education: collection of scientific articles of the IV International scientific and practical conference, Bryansk, April 23–24, 2020*, RIO BSU, Polygram-Plus, pp. 46–52. Bryansk.

3. Boguslavskiy, M. V. & Kulikova, S. V. 2025, *Social and personal pedagogy of A. S. Makarenko in the context of Russian education: monograph*, Volgograd State Academy of postgraduate education, Volgograd.

4. Belyanova, O. A. 2020, 'A school that overcomes time', in A. G. Kozlova & V. O. Gusakova (ed.), *Selected lectures in the magistracy on the problems of spiritual and moral education*, Academy of Oriental Studies, vol. 2, pp. 56–64, St. Petersburg.

5. Simonova, N. I. 2015, 'Labor on earth as the basis of spiritual and moral education in the school "Krasnye Zori"', in M. V. Gruzdeva (ed.), *Spiritual and moral education of children and youth: experience, innovations, achievements: materials of the interregional scientific and practical conference, St. Petersburg, September 25, 2015*, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, pp. 179–183, St. Petersburg.

6. Skurskaya, N. V. 2008, 'The event community of the colony school "Krasnye Zori"', *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, iss. 74-2, pp. 253–260.

7. Ionin, I. V. 1933, *School colony "Krasnye Zori". From the experience of a children's labor colony school*, Printing house 2 named after Evgeniya Sokolova, Leningrad.

8. *The use of the experience of the colony school "Krasnye Zori" 1932*, Oblono, Printing house named after Evgeniya Sokolova, Leningrad.

9. Bublikova, G. G. & Golyshchev, P. V. 1996, *The Tale of "Krasnye Zori". A documentary story about a unique children's institution that existed in Strelna, Leningrad region, in 1919–1941*, St. Petersburg.

10. Makarenko, A. S. 1957, *Pedagogical poem, Writings, in 7 vols*, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, vol. 1, Moscow.

11. Barich, A. A. 2012, 'School-community of the end of the 19th – the first third of the 20th century: a retrospective view', *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, iss. 1(65), pp. 129–132.

12. Skurskaya, N. V. 2019, 'Organization of a community of children and adults in the school colony "Krasnye Zori" on the basis of caring relationships', *The world of science, culture, and education*, iss. 5(78), pp. 207–209.

13. Knyazev, E. A. 2019, 'Ignaty Ionin and the children's commune "Krasnye Zori"', *Psychological and pedagogical journal Gaudeamus*, vol. 18, iss. 2(40), pp. 79–83.

14. Boguslavsky, M. V. 2023, 'Ignaty Ionin's "Krasnye Zori"', *Bulletin of Education of Russia*, iss. 24, pp. 71–80.

15. Makarenko, A. S. 1957, 'March of the 30th year', in *Essays*, vol. 2, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, pp. 9–294, Moscow.
16. Simonova, N. I. 2023, *Ignaty Vyacheslavovich Ionin – the teacher-innovator of the school "Krasnye Zori"*, V. A. Rybakov & M. S. Inge-Vechtomov (eds), API program, St. Petersburg.
17. Revyakina, V. I. 2023, 'Axiological and prognostic ideas of the first state documents on education in the experimental practice of the Soviet school of the 1920s', in N. A. Astashova (ed.) *Values of modern education: New research: a collective monograph*, RIO BSU, Bryansk.
18. Romanov, A. A. 2024, 'The genesis of the humanistic tradition of education in pedagogy', in *The penal system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction with public authorities and institutions of civil society: collection of abstracts of speeches and reports of the participants of the International scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Academy of the FPS of Russia, Ryazan, October 31 – November 1, 2024*, Academy of the FPS of Russia, pp. 301–304, Ryazan.
19. Raikov, B. E. 2011, *On the life path: autobiographical essays*, vol. 1, Kolo, St. Petersburg.
20. Ionin, I. V. 1932, On the organization of experimental and agronomic work in the school colony (from the experience of the school colony), Lenin Regional Executive Committee, Leningrad.
21. Simonova, N. I. 2022, *"Krasnye Zori" – the school of labor, life and joy*, 2nd edn, V. A. Rybakov & M. S. Inge-Vechtomov (eds), API program, St. Petersburg.
22. Hillig, G. 1998, 'Makarenko in the year of the "Great Terror"' in A. S. Makarenko in the post-Soviet era: an expanded version of the speech at the 7th International Makarenko Symposium in Oberreifenberg/Taunus (Germany), Marburg.
23. Bugaeva, L. D. 2022, 'The science of educating the "new Soviet man": commune in life and on the screen', *New Literary Review*, iss. 4(176), pp. 80–98.
24. Olicheva, O. A. 2009, *State policy regarding homelessness and juvenile delinquency in 1917–1941: PhD thesis (History)*, Moscow.
25. Soroka-Rosinsky, V. N. 1991, 'School named after Dostoevsky', in A. T. Gubko (comp.), *Pedagogical works*, Pedagogika, Moscow.

Информация об авторе

В. В. Лобанов – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и управления образованием.

Information about the author

V. V. Lobanov – PhD (Pedagogical Sciences), associate professor, associate professor of the department of pedagogy and educational management.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 11.08.2025.

The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 11.08.2025